

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ МИКАИЛА МУШФИГА И ДИЛЬБАР

Два года назад в Азербайджанском государственном академическом национальном драматическом театре состоялась премьера спектакля «Ah, bu uzul sevda yolu» («О этот долгий путь любви») по одноимённому произведению драматурга, заслуженного деятеля искусств Али Амрили. Как сообщил тогда Trend Life, проект был реализован Министерством культуры и Аздрамой в соответствии с Распоряжением Президента Азербайджана Ильхама Алиева о проведении 110-летия Микаила Мушфига.

На открытии вечера первый заместитель министра Вагиф Алиев отметил, что несмотря на свою короткую жизнь, Микаил Мушфиг (Микаил Абдулкадыр оглы Исмаилзаде, 5 июня 1908 – 12 марта 1939) золотыми буквами написал своё имя в историю азербайджанской литературы. Автор многих стихов, воспевающих любовь и красоту, о чём бы поэт ни писал, какой бы темы ни касался, он стремился, прежде всего, воспеть новое, осмыслить и показать сущность и закономерности его развития. В его произведениях убедительно раскрывается внутренний мир людей, нашли отражение взгляды поэта в связи с социально-культурными вопросами. Главное достоинство эпических произведений поэта составляют полнота характеров его героев, хорошо построенный сюжет, драматизм событий и естественность диалогов. Однако Микаил Мушфиг стал жертвой сталинских репрессий и был расстрелян в 1939 году.

Из воспоминаний единственной дочери Лейлы Ахунзаде: «**Вся их история** – сплошное переплетение случайного. Родной дядя Дильбер – Идрис Ахунзаде был преподавателем литературы, и его близкими друзьями были Гусейн Джавид и Ахмед Джавад. Однажды он приехал к брату в Гянджу и увидел, что племяннике тяжело в отчем доме с мачехой. Недолго думая он забирает её в Баку. Кто знает,

встретились ли бы Дильбар и Мушфиг, не случись этого?..

И вот жена дяди берёт ее на свой выпускной вечер. Мероприятие ещё не началось, гости толпятся в фойе, и тут подходит сокурсник – молодой, красивый, талантливей и готовый заявить о себе всему миру.

— Дильбер, познакомься: это Микаил Мушфиг.

Она и раньше слышала о нём, ведь он был большим другом дяди тот часто рассказывал о Микаиле, но увидела его впервые. То ли судьба, то ли слепой случай – он сел позади неё. Густые, длинные волосы, заплетённые в толстые косы, окажутся стрелами Купидона: закинув их назад, девушка заденет его лицо – и сердце поэта сдастся без боя. На каждое его свидание он будет приносить ей «подарок» – так захочет она – новый стих.

Мушфиг посвятит ей свои лучшие строки, будет говорить с ней стихами, отправлять в письмах строфы, а она – вдохновлять его на нежную лирику. «Ох, Дильбар, вскружила ты мне голову! Боюсь, скажут, Мушфиг стал поэтом любви», – сказал он ей однажды. Она же вдоволь его помучает, пока, наконец, не скажет заветное «да».

Их помолвка, как и свадьба, стала событием века. Среди гостей были такие личности, как Гусейн Джавид, Абдулла Шаиг, Ахмед Джавад, Бюльбюль, Самед Вурган, Мир Джагал, Расул Раа и многие другие. Это была не про-

сто свадьба – это был настоящий праздник красоты, любви, музыки и, конечно, поэзии.

Их дом всегда был полон гостей: то это были великие поэты и писатели, то беспризорные ребята, которых Мушфиг часто приводил домой, чтобы накормить, одеть, обууть, а потом устроить в детдом. Дильбар-ханум окончит медицинский университет, станет активисткой и даже депутатом Бакинского Совета.

Через год два любящих сердца озарит ещё большая радость – у них появится сын Янчик. Но, к их глубокому горю, он не проживет и года...

А потом наступило время сталинских репрессий... Мушфиг был арестован у себя дома, 4 июня 1937 года. Основанием послужил донос, в котором он был назван членом контрреволюционной националистической организации. Ему было инкриминировано то, что он знал о подготовке вооруженного восстания против советской власти.

А потом пришла и за ней. Допрос за допросом, пытка за пыткой... Она не отреклась от

него, до конца защищая имя любимого человека. В тюрьме ей отрезали косы, которые были поэтическим символом их любви. Ей говорили: подпиши бумагу, что он состоял в националистических и прочих организациях. Она отвечала: «Нет». Ей говорили: откажись от него, признай виновным. «Нет», – звучало в ответ из её уст...

Пытки серьезно повлияли на здоровье Дильбар ханум, спровоцировав целый букет болезней: и инфаркт, и почки, и нервы, и сахарный диабет... Когда они поняли, что ничего от неё не добьются, перевезли маму из тюремной больницы в психиатрическую. Врачи, которые узнали ее, выписали справку о том, что она как матери в Гянджу и долгое время лечилась уже там. Первое время она ничего не говорила, ничего не понимала, не знала, ни кто она сама, ни кто такой Мушфиг... Врачи советовали ей начать новую жизнь, построить семью. Понимаете, она была со всем молодой девушкой, когда все это обрушилось на её крепкие плечи. Ни мужа, ни детей –

смысла просыпаться по утрам не было...

Многие от неё отвернулись. На работу не принимали, открывались. Было очень тяжело. Но все-таки были и хорошие люди... Получив реабилитацию, мы – мама, я и брат – переехали в Баку, одно время жили у родственников Мушфига. Я его сестру называла тетей. Она приносила подарки, гуляла с нами. Я любила их как родных. Какая она была талантливая женщина! Как она вкусно готовила, шила, рисовала, играла! Мушфиг и сам был очень талантлив: он брал мамин тар и не просто напевал песни, а исполнял мугам – вот каким он был! И его сестра была такая же. Мама жила Мушфигом, постоянно то выступала, то куда-то писала, то что-то вспоминала и тут же переносила на бумагу... На 80-летию Мушфига она будто чувствовала, что прощется с ним. Мама не должна была выступать, но опять словно неведомые силы её подняли и держали, пока она говорила, а она была уже так слаба! Я сидела и дрожала от мысли, что она вот-вот упадет.

В азербайджанском языке есть слово *möhsəz* – это единственное моё объяснение. Когда Мушфиг забрал, на столе лежала большая папка под названием «Дильбернаме» – все стихи он хранил там, и всё исчезло. На протяжении всей своей жизни он собирал народные песни, дастные и так далее – всё забрал, ничего ей не вернули. Но она не только восстановила часть его произведений, а и сама начала писать. Чудо, просто чудо! Правда, мама никогда не называла себя поэтом. Я помню, она ждала, чтобы я проснулась, и зачитывала мне очередное своё творение. Ах, как жаль, что я их не записывала, как жаль, что я много потерялась!...